

ТАИНСТВО БЛИЖНЕГО

МАТЬ
МАРИЯ
(СКОБЦОВА)

никеяю

НЕОПАЛИМАЯ
КУПИНА
БОГОСЛОВСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
XX ВЕКА

Неопалимая купина. Богословское наследие XX века

Мария Скобцова
Таинство ближнего

«Никея»
1930-1940

УДК 230.1
ББК 86.37-4

Скобцова М.

Таинство ближнего / М. Скобцова — «Никея»,
1930-1940 — (Неопалимая купина. Богословское наследие XX
века)

ISBN 978-5-907457-89-8

Богатое и чрезвычайно разнообразное наследие монахини Марии (Скобцовой, 1891—1945)' канонизированной Константинопольским Патриархатом как преподобномученица Мария Парижская, совсем недавно стало доступным российскому читателю. Одна из ярчайших наследниц русского Серебряного века, религиозный мыслитель, поэт, художник, чье творчество всегда было неотделимо от ее действий. Не было высказанной ею истины, которую она не подтвердила бы своей собственной жизнью, оборвавшейся в газовой камере лагеря Равенсбрюк. В наш сборник вошли самые важные тексты матери Марии, сфокусированные на главных ее идеях — служении ближнему как своеобразному «таинству Церкви», свободе и радости как необходимых критериях истинного духовного опыта, разделении страдания ближнего до последней его глубины. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 230.1
ББК 86.37-4

ISBN 978-5-907457-89-8

© Скобцова М., 1930-1940
© Никея, 1930-1940

Содержание

Мать Мария (Скобцова) и ее «Мистика человекообщения»	6
I	15
В поисках синтеза[29]	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мать Мария (Скобцова)

Таинство ближнего

* * *

© Ликвинцева Н. В., составление, вступительная статья, 2022

© ООО ТД «Никея», 2022

Мать Мария (Скобцова) и ее «Мистика человекообщения»

Мать Мария (Скобцова), канонизированная в 2004 г. Православной церковью Константинопольского патриархата как преподобномученица Мария Парижская, сегодня, из двадцать первого века, видится нам как одна из самых удивительных и светоносных личностей века двадцатого. По масштабу и разносторонности дарований она сопоставима с универсальными художниками эпохи Возрождения: богослов и религиозный мыслитель, поэт и прозаик, художница и иконописец, публицист и мемуарист, активный религиозный деятель... Она творила дела милосердия, оказывая разностороннюю помощь нуждающимся русским эмигрантам во Франции, была арестована нацистами за помощь евреям в оккупированном Париже и мученически погибла в концлагере Равенсбрюк, до последнего момента помогая союзницам поддерживать огонь жизни и человечности. По натиску событий и резкости поворотов жизнь ее похожа на приключенческий роман.

Лиза Пиленко родилась 8 (20) декабря 1891 года в Риге в семье потомственного дворянина, юриста, выпускника Санкт-Петербургского университета Юрия Дмитриевича Пиленко, служившего там в то время товарищем прокурора окружного суда, и его супруги Софьи Борисовны Пиленко (урожденной Делоне). Детство Лизы и ее младшего брата Дмитрия прошло по преимуществу в усадьбе в Анапе, куда семья переехала в 1895 году. С. Б. Пиленко так описывала это родовое гнездо: «Дом у нас двухэтажный. Живем в верхнем. У нас три открытые террасы, из них две с видом на море. Кругом виноградники, за ними чудный, песчаный пляж, а за ним бескрайнее море»¹. Шум ветра и морского прибоя будет потом нередко слышен в стихах Лизы, попадут в них и курганы, с их археологическими «древностями», возвышавшиеся за виноградниками: первый свой поэтический сборник, вышедший в 1912 году, она назовет «Скифские черепки». Около года, с весны 1905-го по весну 1906-го, семья прожила в Ялте, где Юрий Дмитриевич работал директором Никитского ботанического сада и училища виноградарства. В июле 1906 года счастливое детство Лизы резко оборвалось – преждевременной смертью ее горячо любимого отца. Уже став монахиней, в 1936 году, в мемуарном очерке «Встречи с Блоком» она так описывает этот жизненный срыв: «В комнате плач. Умер мой отец. И мысль простая в голове: „Эта смерть никому не нужна. Она несправедливость. Значит, нет справедливости. А если нет справедливости, то нет и справедливого Бога. Если же нет справедливого Бога, то, значит, и вообще Бога нет“. ... Так кончилось детство»².

Софья Борисовна с детьми переехала в Петербург, Лизу отдали в одну из лучших столичных гимназий – Таганцевскую; в 7-й класс она перешла в гимназию М. Н. Стоюниной, которую и окончила в 1909 году с серебряной медалью. Но главное ее впечатление от Петербурга того времени – это удушающий рыжий туман и бессмысленность жизни, преодолеть которую она пытается с помощью поэзии. Смысл врывается в ее жизнь внезапно и неожиданно: однажды двоюродная сестра приглашает ее на поэтический вечер поэтов-декадентов, среди них выделяется один, с не обычным лицом, его стихи пронзают насквозь: «Я уже знаю, что он владеет тайной, около которой я брожу...»³ «Кто это?» – Александр Блок. Узнав адрес, девочка-подросток приходит к поэту домой – за ключами от искомой тайны, за противоядием от бессмыслицы. И происходит самая важная в ее жизни встреча. Блок внимательно слушает сбивчивый

¹ Пиленко С. Б. Детство и юность матери Марии // Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. СПб.: РНБ, 2000. С. 176.

² Мать Мария (Скобцова). Встречи с Блоком: Воспоминания. Проза. Письма и записные книжки. М.: Русский путь; Книжница; Париж: YMCA-Press, 2012. С. 73.

³ Там же. С. 75.

рассказ, он все понимает и сочувствует, и сквозь это сочувствие Лиза вдруг переводит взгляд с себя и своих проблем на другого: «Я чувствую, что около меня большой человек, что он мучается больше, чем я, что ему еще тоскливее... Мне большого человека ужасно жалко. <...> Странное чувство. Уходя с Галерной, я оставила часть души там. Это не полудетская влюбленность. На сердце скорее материнская встревоженность и забота. А наряду с этим сердцу легко и радостно. Хорошо, когда в мире есть такая большая тоска, большая жизнь...»⁴ Так впервые возникает в ее жизни тема материнства как заботы о других, тема, которая позже станет ее призванием. Через неделю после этой встречи она получила письмо в синем конверте, в нем посвященные ей стихи, которые многие из нас знают наизусть:

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная...
<...>
Все же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.
<...>

По окончании гимназии Лиза поступила на философское отделение историко-филологического факультета Бестужевских курсов, а в феврале 1910 года вышла замуж за Дмитрия Владимировича Кузьмина-Караваева, юриста и историка, завсегда петербургского литературного мира, синдика⁵ Цеха поэтов, объединявшего около десятка поэтов (среди которых – Николай Гумилев, Анна Ахматова, Осип Мандельштам), завсегда знаменитой «Башни» Вячеслава Иванова. Начинаящая поэтесса и художница Елизавета Кузьмина-Караваева входит вслед за мужем в эту литературную жизнь дореволюционного Петербурга, в творческую мастерскую Серебряного века.

Об этом времени, о котором написано столько увлекательных воспоминаний, акцентирующих внимание на творческой атмосфере, литературных дискуссиях и художественных исканиях, мать Мария вспоминала в эмиграции – уже в оптике состоявшейся трагедии революции и гибели прежней России – как о времени «последних римлян» накануне завоевания Рима варварами: «Мы жили среди огромной страны, словно на каком-то необитаемом острове. Россия не знала гра моту, – в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура... Мы не жили, мы созерцали все самое утонченное, что было в жизни, мы не боялись никаких слов, мы были в чем-то до наглости откровенны, в области духа циничны и нецеломудренны, в области жизни вялы и бездейственны. <...> Мы были последним актом трагедии – разрыва народа и интеллигенции»⁶. В это время выходят ее первые книги: поэтические сборники «Скифские черепки» (1912) и «Руфь» (1916), а также философская повесть, написанная ритмизованной прозой «Юрали» (1915). Елизавета Юрьевна активно рисует и в 1912 году участвует в художественной выставке «Союза молодежи» в Петербурге вместе с Натальей Гончаровой, Михаилом

⁴ Там же. С. 76.

⁵ Синдик, «главный мастер», возглавлял Цех поэтов, помогая совершенствовать поэтическое мастерство его участникам. Официальными синдиками Цеха были Н. Гумилев, С. Городецкий и Д. Кузьмин-Караваев.

⁶ Там же. С. 78.

Ларионовым, Казимиром Малевичем и Павлом Филоновым. Но за внешними творческими успехами стоит внутренний духовный голод, неудовлетворенность культурой «последних римлян», поиск чего-то более настоящего и жизненно необходимого. Это приводит ее к необычному решению – к бегству «к земле»: она решает оставить литературный Петербург, супруга, совместная жизнь с которым не сложилась, ради уединенной жизни в своем анапском имении, поменять видимость жизни на жизнь подлинную. Восемнадцатого октября 1913 года у нее рождается дочь, которую она называет Гаяна, что значит «земная».

С началом Первой мировой войны этот внутренний поиск выхода из духовного и культурного тупика совпадает с поиском выхода из тупика исторического и понимается как единая духовная работа, трудная, даже мучительная, но необходимая. Во «Встречах с Блоком» мать Мария так об этом вспоминала: «По ночам, когда в доме тихо, а за окнами плачут равнодушные бури, я начинаю медленно приближаться к новому открытию. Лично мне оно дается мучительно. Я вдруг начинаю видеть, что вся наша неразбериха, наша мука, потерянность, нелепость, – война, черные годы перед ней, – все это, – многоголосый зов, многорукий стук в закрытые двери. И ждет Россия Христа»⁷. Видимо, именно тогда, как итог этой трудной работы, и происходит внутренний перелом в ее жизни: возвращение к христианству, причем не как в детстве, оборвавшемся со смертью отца, но на новом уровне осознанности и ответственности. В ее творчестве этот перелом особенно ощутим при сопоставлении двух ее книг, вышедших в 1915 и 1916 годах: в повести «Юрали» (1915) мы еще видим автора, обуреваемого религиозными исканиями, дающего неопределенно привлекательный образ героя-сверхчеловека, отсылающего к Ницше в одновременном споре с ним. В сборнике стихов «Руфь» уже звучит голос поэта, нашедшего Бога и вступающего с ним в диалог, стихи изобилуют библейскими образами и порой просто совпадают с молитвой. Итогом этого внутреннего пути стала дарственная надпись неизвестному лицу, сделанная Елизаветой Кузьминой-Караваевой на одном из экземпляров «Юрали» уже после выхода «Руфи»: «Мне хотелось бы, чтобы линия от „Юрали“ к „Руфи“ показалась Вам не только линией движения вперед, но и расширения, – через уничтожение себя». Но поскольку этот внутренний духовный труд совпадал с новым обретением Россией Христа, с трудом истории, не удивительно, что историческая катастрофа России в 1917 году не могла обойти Елизавету Юрьевну стороной: в революционном вихре она оказывается членом партии эсеров, а в период послереволюционного двоевластия – городским головой Анапы, пытающимся спасти людей и культурные ценности от уничтожения их большевиками.

Уже в эмиграции, в середине 1920-х годов Елизавета Юрьевна описывала и осмысляла гибельный вихрь русской революции и Гражданской войны в мемуарном очерке «При первых большевиках (Как я была городским головой)» и в повестях «Равнина русская», «Клим Семенович Барынькин», «Несколько правдивых жизнеописаний». Она отмечает, что «самое страшное в революции, – и особенно в Гражданской войне, – что за лесом лозунгов и этикеток мы все разучиваемся видеть деревья, – отдельных людей»⁸. После рискованных действий по спасению людей от большевицких расправ в Анапе в должности городского головы, после последовавшей за этим подпольной антибольшевицкой борьбы, которую пытались вести правые эсеры, она тут же по возвращении в Анапу в октябре 1918 года была арестована денкинской контрразведкой, посчитавшей ее работу при большевиках сотрудничеством с ними. Процесс получился довольно напряженным, приговор по такому обвинению колебался от трех рублей штрафа до смертной казни. В защиту обвиняемой поступают письма – например, иницированное Максом Волошиным письмо литераторов в редакцию газеты «Одесский листок», с подписями Волошина, А. Толстого, Н. Крандиевской, Тэффи, В. Инбер. На суде звучат как ложные обвинения, так и подлинные свидетельства тех, кого она спасала от расстрелов и рас-

⁷ Там же. С. 88.

⁸ Там же. С. 135.

прав. На заседаниях присутствует человек, вмешательству которого в ход процесса многие приписывали потом благоприятный исход дела: казачий политический деятель, бывший учитель, член Кубанского краевого правительства по ведомству земледелия Даниил Ермолаевич Скобцов. Вскоре он становится вторым мужем Елизаветы Юрьевны. После взятия Екатеринодара красноармейскими войсками в марте 1920 года у семьи остается только один выход: эмиграция.

Их маршрут исхода из России был схож с такими же трагическими путями очень многих людей: временное разлучение семьи (Елизавета Юрьевна отплывает из Новороссийска вместе с мамой и Гаяной, отдельно от мужа), переполненные корабли, боль разлуки с родиной. Тифлис (там она узнает о гибели в Гражданской войне своего родного брата Мити), Константинополь (там у семьи в 1921 году рождается сын Юра, а в 1922-м дочь Настя), Сербия и, наконец, с 1924 года, Париж. Чтобы выжить и прокормить детей, Елизавета Юрьевна Скобцова занимается шитьем на заказ, делает кукол, портит свои и без того близорукие глаза, хватается за любую работу. Даниил Ермолаевич сначала учителствует, потом становится, как опять-таки многие и многие русские эмигранты, шофером такси. Оба пишут о пережитом воспоминания и художественную прозу, а Е. Ю. Скобцова еще и статьи для эсеровской газеты «Дни», в которой со временем становится ярким и заметным публицистом.

Еще один трагический перелом в ее жизни совершается 7 марта 1926 года: в клинике Пастеровского института умирает от менингита младшая дочь Скобцовых, четырехлетняя Настя. В тот день Елизавета Юрьевна записывает в дневнике, что до сих пор «душа по переулочкам бродила», а теперь ищет «настоящего и очищенного пути»: «О чем и как ни думай, – большего не создашь, чем три слова: „любите друг друга“, только до конца и без исключения, и тогда все оправдано и вся жизнь освящена, а иначе мерзость и тяжесть»⁹. Эту смерть ей придется пережить еще раз, когда в марте 1931 года будет совершаться перезахоронение Насти на другой участок кладбища, при котором останки достают и перекладывают в новый гроб в присутствии близких. Татьяна Манухина передает слова матери Марии о том, что с кладбища тогда она вернулась «другим человеком»: «Я увидела перед собою новую дорогу и новый смысл жизни: быть матерью всех, всех, кто нуждается в материнской помощи, охране, защите»¹⁰. Так начинается ее путь к монашеству.

С 1926 годом связано еще одно важное событие в жизни Елизаветы Юрьевны – ее приход в Русское студенческое христианское движение (РСХД), в котором она сразу находит ту церковную среду, что так давно искала: подлинную, творческую церковность, с идеями «оцерковления жизни» и создания «православной культуры», братского единения вокруг евхаристической чаши, свидетельства о православии на Западе и открытости к диалогу с инакомыслящими. В РСХД она координирует кружок по изучению России, выступает с докладами на съездах и собраниях, выпускает брошюры «Жатва духа» (жития нескольких святых в авторской обработке), «А. Хомяков», «Достоевский и современность» и «Мирозерцание Вл. Соловьева». Осенью 1929 года Елизавету Юрьевну избирают секретарем РСХД по социальной работе во французской провинции. Она ездит по городам русского рассеяния: Лион, Ницца, Марсель, Тулуза, Монпелье, Страсбург. Она видит такие бездны нищеты, потерянности и отчаяния русских эмигрантов, по сравнению с которыми даже парижская эмигрантская жизнь кажется благополучием. Она выслушивает человеческие исповеди, помогает, спасает от самоубийства. Именно к этим людям обращено ее «всеобъемлющее материнство», тема которого звучит и в ее стихах:

Подвел ко мне, сказал: усынови

⁹ Там же. С. 456.

¹⁰ Манухина Т. Монахиня Мария // Кузьмина-Караваева Е. Ю. Избранное. М.: Советская Россия, 1991. С. 420–421.

Вот этих, – каждого в его заботе.
Пусть будут жить они в твоей крови, —
Кость от костей твоих и плоть от плоти¹¹.

Чтобы помочь им по-настоящему, каждому нужно отдать себя до конца, без остатка, а для этого нужно безоговорочно отдать себя Христу. Она находит понимание у своего духовного отца, протоиерея Сергия Булгакова, и у митрополита Евлогия (Георгиевского), который, после оформления церковного развода с Даниилом Ермолаевичем, 16 марта 1932 года в храме Сергиевского подворья в Париже совершил по стриг и нарек новую монахиню Марией в честь Марии Египетской. Так она становится матерью Марией.

Сразу после пострига она посещает действующие монастыри в Прибалтике, о которой пишет серию очерков для газеты «Последние новости», и делает для себя вывод, что сегодня, когда «эмигрантский народ» голодает, спивается и кончает с собой, укрыться за стенами монастыря равносильно пребыванию в «духовном санатории». Монахиня Мария выбирает другой путь – монашество в миру, «на дорогах жизни, в самой гуще ее», при «полном отсутствии самой тонкой перегородки, отделяющей сердце от мира, от его боли»¹². Главной проблемой беженцев была проблема жилья: по французским законам получить пособие в случае безработицы могли лишь те, у кого было место жительства, а чтобы снять жилье, нужно было уже иметь работу или пособие. Получался замкнутый круг. Поэтому основой благотворительной деятельности матери Марии сразу стало создание общежитий. Первое помещение она сняла уже в сентябре 1932 года на улице Вилла де Сакс, открыв при нем церковь, столовую и объединив пансионерок идеями взаимовыручки и общей жизни. Но там удавалось приютить незначительное, на ее взгляд, количество людей. Поэтому позже, в августе 1934-го ей удалось снять более просторный дом в более демократическом, любимом эмигрантами 15-м округе Парижа: дом номер 77 на улице Лурмель становится центром деятельности матери Марии. В доме размещаются общежитие, столовая, обсуживающая не только пансионеров, но и окрестных безработных и нуждающихся, с дешевыми обедами (для их приготовления мать Мария часто уходит рано утром на парижский рынок, где ее уже знают и отдают за бесценок портящиеся продукты). При доме – переоборудованная из гаража Покровская церковь, для которой мать Мария пишет иконы и вышивает облачения. При доме открыты воскресная школа для детей, миссионерские курсы, тут проходят культурные встречи и собрания, со временем Николай Бердяев переносит именно сюда работу своей Религиозно-философской академии. Для того чтобы помощь нуждающимся была не просто благотворительностью, как подачка человеку, низведенному до безличного номера, а живым вовлечением человека как личности в общую жизнь, мать Мария создает в 1935 году объединение «Православное дело». В него вошли выдающиеся религиозные мыслители русского зарубежья: философ Николай Бердяев, литературный критик Константин Мочульский, историк Георгий Федотов, поддерживали объединение отец Сергей Булгаков и митрополит Евлогий. Участники пытаются нащупать «соборно-личный» метод работы, делать подлинно «православное», церковное дело, которое будет «лабораторией» для будущей России.

Само дело и богословская рефлексия над его методологией и основаниями рождаются одновременно, одно нераздельно связано с другим. «Православное дело» создает еще ряд общежитий, открывает богословские и миссионерские курсы и курсы псаломщиков, санаторий для выздоравливающих от туберкулеза в Нуази-ле-Гран (со временем переоборудованный в старческий дом), оказывает помощь больным и нуждающимся на дому, помогает извлечь из психиатрических больниц людей, которые попали туда случайно, по незнанию языка.

¹¹ «Подвел ко мне, сказал: усынови...» // *Е. Кузьмина-Караваева (Мать Мария)*. Равнина русская. СПб., 2001. С. 125.

¹² *Мать Мария*. Воспоминания. Статьи. Очерки: в 2 т. Р.: УМСА-Press, 1992. Т. 1. С. 140.

В 1936 году еще один удар обрушивается на мать Марию: приходит известие о смерти ее дочери Гаяны, год назад уехавшей в Советскую Россию. Официальная причина – тиф, настоящую до конца никто не знает до сих пор. К. В. Мочульский вспоминает слова матери Марии после смерти дочери: «Очень было тяжело. Черная ночь. Предельное духовное одиночество. Бессонными ночами я ее видела и с ней говорила. Все было темно вокруг, и только где-то вдали – маленькая светлая точка. Теперь я знаю, что такое смерть»¹³. Но начинается Вторая мировая война, эпоха массовых смертей.

Мать Мария остается в оккупированном Париже, и «Православное Дело» начинает сотрудничать с Сопротивлением в помощи тем, кто в новых обстоятельствах оказывается самым нуждающимся и гонимым, – евреям. После указа, обязывающего евреев носить желтые звезды, мать Мария сказала: «Нет еврейского вопроса, есть христианский вопрос. <...> Если бы мы были настоящими христианами, мы бы все надели звезды»¹⁴. На Лурмеле организуется Комитет помощи узникам лагеря Компьень, пересыльного лагеря, в котором заключенные из присланных посылок уже сами поддерживали евреев, которым посылки получать было запрещено. Отец Дмитрий Клепинин, священник Лурмельской церкви и активный участник «Православного дела», и мать Мария налаживают выдачу евреям свидетельств о крещении, так как поначалу это могло помочь избежать ареста и депортации, при этом отец Дмитрий действительно крестит лишь тех, кто на самом деле этого хочет. Дом на улице Лурмель входит в общую цепь Сопротивления по укрыванию евреев и советских военнопленных, по передаче поддельных документов и материальной помощи нуждающимся, по отправке гонимых в неоккупированную зону, по устройству детей, родители которых схвачены во время облав. В июле 1942 года, при первых массовых арестах евреев – облове «Вель д'Ив», матери Марии удалось проникнуть на велодром, куда согнали арестованных людей, и спасти оттуда четырех еврейских детей, которых удалось вынести в мусорных баках.

Первым из круга «Православного дела» в 1943 году арестовали сына матери Марии Юру Скобцова, активно ей помогавшего: у него в кармане нашли письмо женщины-еврейки с просьбой о свидетельстве о крещении. Сразу вслед за ним были арестованы отец Дмитрий и мать Мария. Юра Скобцов и отец Дмитрий Клепинин погибли в 1944 году в концлагере Дора (Бухенвальд), оба позднее вместе с матерью Марией причислены к лику святых как мученики. Мученический путь матери Марии проходил в женском концлагере Равенсбрюк. Сохранилось множество свидетельств ее союзниц, как она до последнего вздоха помогала другим, как выслушивала людей и дарила силы жить, как даже в условиях лагеря продолжала создавать удивительные вышивки. Символом ее несломленного духа, надежды и веры в победу добра над злом стала чудом сделанная вышивка на косынке французской союзницы, посвященная высадке союзнических сил в Нормандии. Невероятно, но выжившая лагерница смогла сберечь эту вышивку, и она сохранилась до наших дней. Сама же мать Мария погибла в газовой камере Равенсбрюка 31 марта 1945 года, накануне католической Пасхи, совсем незадолго до победы; по одному из свидетельств, шагнув туда добровольно, за другого человека.

Софья Носович, соратница легендарной героини Сопротивления Вики Оболенской, так вспоминает о совместном пребывании с матерью Марией в Равенсбрюке: «Я как-то сказала ей, что не то что чувствовать что-либо перестаю, а даже сама мысль заоченела и остановилась. „Нет, нет, – воскликнула матушка, – только непрестанно думайте; в борьбе с сомнениями думайте шире, глубже; не снижайте мысль, а думайте выше земных рамок и условий“»¹⁵. Мысль преподобномученицы Марии Парижской, яркая, живая, оригинальная, продолжавшаяся даже в условиях лагеря, как само противостояние расчеловечиванию человека, мысль, тесно связан-

¹³ Мочульский К. В. Монахиня Мария (Скобцова). Воспоминания // Третий час (Нью-Йорк). 1946. № 1. С. 70.

¹⁴ Там же. С. 75.

¹⁵ Гаккель Сергий, прот. Мать Мария. Париж: YMCA-Press, 1992. С. 242.

ная с жизнью, открывающая новую страницу в православном богословии, – один из главных даров, оставленных нам в наследство матерью Марией.

...

«Мистику человекообщения», то есть мысль о том, что в подлинной встрече с человеком, в подлинном общении с ним, мы встречаемся и общаемся с Самим Богом, что путь к Богу лежит через наше отношение к ближнему, к другому человеку, мать Мария считала «главной темой своей жизни». Сохранилось свидетельство Константина Васильевича Мочульского, его дневниковая запись за 1936 год о том, как она разрабатывала и формулировала эту тему: «Мать заперлась в своей комнате и с утра до вечера стучит на машинке статью „Мистика человекообщения“. „Это тема моей жизни“, – говорит она. „Почему так подробно и тонко описаны лестницы восхождения к Богу? Существуют бесчисленные путеводители и руководства к Богообщению, а о мистике человекообщения ничего не написано? Но ведь путь к Богу лежит через любовь к человеку, и другого пути нет. Человек есть образ и подобие Божье, храм Духа Святого, нетленная икона Божества. И человекообщение есть великая тайна и таинство“»¹⁶. Попробуем взглянуть, как эта ключевая идея раскрывается в разных тематических пластах ее богословия.

Сама статья «Мистика человекообщения» была впервые напечатана в 1936 году в альманахе «Круг» (№ 1) и затем вошла в качестве одной из частей в задуманный еще при жизни и опубликованный лишь посмертно сборник текстов «О монашестве»¹⁷. В середине 1930-х годов, сразу после монашеского пострига в 1932-м, мать Мария усиленно размышляет о смысле монашества и о современных особенностях аскетизма. Размышления эти вызваны, прежде всего, теми новыми историческими условиями, в которых принимает монашество автор: это гонения на Церковь на родине, в Советской России, и ситуация безыютности и нищеты в эмиграции, в распоряжении которой оказались лишь несколько традиционных, дореволюционных монастырей в лимитрофных странах (таких, например, как Пюхтицкий Успенский монастырь в Эстонии). Жизнь в этих монастырях, которые мать Мария посещает и описывает в серии очерков «Прибалтика», опубликованной в газете «Последние новости», кажется ей слишком благополучной, слишком устроенной на фоне общей неустроенности «эмигрантского народа». Именно желание разделить со страждущими их беды, уврачевать раны и облегчить страдания и приводит мать Марию к ее идее «нового монашества», монашества в миру, среди бед и боли мира. Беря на себя общее бремя страданий, разделяя его с ближними и облегчая его им, монах приносит этим в мир Христову любовь, позволяет Богу, через себя, действовать в этом, лежащем во зле, мире: «Сейчас для монаха один монастырь – мир весь»¹⁸. В своей поэтической пьесемистерии «Анна» мать Мария рисует образы двух монахинь с противоположными взглядами на суть монашества: Павла благочестива, она усиленно молится и осуждает Анну, постоянно заботящуюся о том, чтобы разделить страдания тех, кто за стенами монастыря. Анна, в образе которой очень много автобиографических черт, уходит в мир и отдает свою жизнь и душу «за други своя». Примечательно, что для матери Марии такой выход монашества в мир связан не с ослаблением, а с усилением аскетических требований к монаху, не с духовной расслабленностью, а с усиленной жертвенностью: «Чем больше мы выходим в мир, чем больше отдаем себя миру, тем менее мы от мира, потому что мирское себя миру не отдает»¹⁹. Сама возможность подлинной помощи человеку, подлинной «мистики человекообщения», укоренена в евхари-

¹⁶ Мочульский К. В. Монахиня Мария (Скобцова). Воспоминания // Третий час (Нью-Йорк). 1946. № 1. С. 70.

¹⁷ Наст. изд. С. 76–103.

¹⁸ Там же. С. 90–91.

¹⁹ О монашестве // Наст. изд. С. 95.

стической жертве. Эту связь мать Мария раскрывает с помощью еще одного, ключевого для ее богословия термина, – «внехрамовая литургия», которая есть не что иное, как «жертвенное служение в храме мира, украшенного живыми иконами Божиими, служение общее, всечеловеческое жертвоприношение любви»²⁰. Истоком разлива внехрамовой литургии, которая, как фонтан, изливается на весь мир, на всех и на каждого, никого не оставляя обделенным Христовой любовью, будет наша приобщенность к евхаристической жертве Христа, отдавание собственной жизни, уже ставшей Телом Христовым, «на заклятие миру»²¹.

Мы видим, что аскетические требования к монашествующим при таком подходе не ослабляются, а, наоборот, заостряются. Составной частью такой радикализации требований становится богословское переосмысление матерью Марией монашеских обетов, которые возводятся ею на новый уровень требовательности. Так, обет нестяжания в эпоху массового обнищания людей, все потерявших в исторической катастрофе, уже не может сводиться только к отказу от материальных ценностей, но требует от монаха «нищеты духа», отказа от накопления не только интеллектуальных и культурных ценностей, но даже духовных: «...это есть отказ от своей духовной исключительности, это есть отдача своего духа на служение делу Божию на земле...»²² Обет послушания из слепого послушания старцу (поскольку подлинных старцев в эмиграции просто нет) становится творческим поиском применения собственных духовных сил, послушанием тому церковному делу, которое сам монах находит как свое призвание: «Послушание становится служением»²³.

Обострение, усиление внутренних требований к христианину вообще характерно для мысли матери Марии (как это было характерно и для ее жизни), поэтому ее мысли о монашестве и аскетике актуальны и сегодня, и не только для монашествующих. К общехристианскому императиву подражания Христу, предполагающему вольное следование за Ним на Голгофу и готовность к жертве, мать Мария добавляет еще и императив подражания Богородице. И это снова связано с «мистикой человекообщения». В статье «О подражании Богоматери» (1939) она обосновывает это тем, что, как для Богородицы, стоявшей на Голгофе, крест Сына становится мечом, рассекающим Ее сердце, так и для каждого из нас таким мечом, пронзающим сердце, должен стать крест нашего ближнего. И это не только богословское обоснование сострадания ближнему, это еще и путь сквозь такое творческое сострадание к подлинному богообщению, к рождению Христа в сердце другого и в собственном сердце: «Каждый человек также и образ Богоматери, рождающий в себе Христа от Духа Свята»²⁴.

И в этом еще одна удивительная особенность богословской мысли матери Марии: радикализируя аскетические и общехристианские требования к человеку, возводя их на новую высоту, она при этом одновременно словно расчищает перед читателем дорогу к этой зовущей новой высоте, словно распахивает окна, так что в прежде душное и тусклое пространство начинает литься воздух и свет. Мы оказываемся в богословском пейзаже, в котором и Христос, и Богоматерь, и Дух Святой близки нам как никогда. Образ Богоматери, как и образ Божий, вписан в каждого из нас, надо лишь расчистить накипь эгоизма и в сострадании ближнему дать ему в себе просиять. Дух Святой веет в каждом подлинно церковном деле, в каждом творческом акте человека.

Примечательно при этом, что творческая церковность оказывается не просто характерной чертой богословского метода матери Марии, но и объектом ее рефлексии. В статье «Истоки творчества» (1934) она формулирует «евангельскую теорию творчества». Для этого

²⁰ Там же. С. 100.

²¹ Там же. С. 97.

²² Еще о монашестве // Там же. С. 255.

²³ Там же. С. 251.

²⁴ О подражании Богоматери // Там же. С. 195.

она внимательно анализирует все евангельские цитаты с глаголом «творить», «делать», «совершать», поскольку образцом и вершиной человеческого творчества считает деяния и свершения «самого совершеннейшего, то есть самого творческого» «из всех человеков-творцов»²⁵ – Христа. И тут мы вновь возвращаемся к «мистике человекообщения», поскольку истоком творческой активности Богочеловека оказывается Его послушание Отцу, когда Отец и Сын творят вместе, «в нераздельном единстве творческой любви»²⁶. Такая неотделимость творчества от любви характерна и для земного, человеческого творчества, которое в своей подлинности также укоренено в Троическом Единстве Божества. Именно поэтому мать Мария считает любое творчество «актом некоей соборности, некоего абсолютного общения не только с Богом, но через Бога и со всем миром»²⁷, так что вне такого общения человек просто не может по-настоящему творить; и именно поэтому она утверждает, что «движущей силой всякого земного творчества является сейчас в мире Дух истины, который научает, и возвещает, и приводит к общению с первоисточником всякого творчества в мире».

Тот приток свежего воздуха, который мы ощущаем, читая статьи матери Марии, слыша ее живой, неравнодушный голос, связан не только с возвращением в Церковь памятования о творчестве и свободе как неотъемлемых атрибутах церковности, но и с прояснением изначальных смыслов: что есть христианство, православие, живая вера, в отличие от мертвого эрзаца религиозности, от пустого благочестия; что такое подлинный аскетизм в отличие от «темного аскетизма», присущего, например, большевикам. И здесь ключевым моментом опять-таки оказывается «мистика человекообщения», то есть евангельская любовь к ближнему. В статье «Типы религиозной жизни» (1937) мать Мария феноменологически описывает различные бытующие в нашем церковном быту типы благочестия: синодальный, уставщический, эстетический, аскетический; их представители могут годами ходить в церковь, соблюдать все правила, знать устав, ценить красоту церковной службы, достигать вершин аскетизма и в то же время не иметь ничего общего с христианством, потому что они не имеют ничего общего со Христом. Подлинная православная церковность являет себя только в «евангельском» типе благочестия, то есть в жизни по евангельским заповедям, в следовании за Христом, в способности любить. И тогда можно встретить Христа в любом человеке, с которым мы вступаем в общение, даже в самом неприятном и самом неудобном: если отречься от себя и своего, не искать выгоды, но подлинно видеть телесные, душевные и духовные нужды человека, то в этой трудной, но благодатной встрече, в этом таинстве ближнего, как молния, просияет вдруг встреча с Самим Христом, случится самое лучшее из всего, что только может случиться в нашей жизни. И в этом один из парадоксов творчества матери Марии, как и самой ее жизни: проповедуемое и являемое ею христианство, при всей своей предельной требовательности к человеку, при заостренности темы крестной жертвы и предельности самоотдачи, говорит о полновесной радости, дарованной нам уже здесь и сейчас, в каждой земной встрече, в каждом нашем усилии, свидетельствует о пасхальном ликовании. «Христианство – это пасхальная радость... – пишет мать Мария. – Подлинное, богочеловеческое, целостное, соборное христианство зовет нас пасхальной песней: друг друга обьемем. Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы. Возлюбим, это значит не только единомыслие, но и единоедействие, это значит – общая жизнь»²⁸.

Наталья Ликвинцева

²⁵ Истоки творчества // Там же. С. 58.

²⁶ Там же. С. 59.

²⁷ Там же. С. 63.

²⁸ О монашестве // Наст. изд. С. 103.

I

Призвание к творчеству

...

Мне кажется, что мир еще в лесах,
На камень камень, известь, доски, щебень.
Ты строишь дом, Ты обращаешь прах
В единый мир, где будут петь молебен.

Растут медлительные купола...
Неименуемый, нездешний. Некто,
Ты нам открыт лишь чрез Твои дела,
Открыт нам, как великий Архитектор.

На нерадивых Ты подъемлешь бич,
Бросаешь их из жизни в сумрак ночи.
Возьми меня, я только Твой кирпич,
Строй из меня, непостижимый Зодчий.

Из книги «Стихи» (1937)

В поисках синтеза²⁹

Вот уже две тысячи лет, как миру задано эмпирически непосильное задание – осознать себя Богочеловечеством.

И двухтысячелетняя история человечества является историей этой эмпирической невозможности, историей забвений, отпадений, подмен и бессилия приблизить себя к заданию.

Все эти неудачи могут быть поняты только из анализа мистического определения церкви – Богочеловечества.

Долженствующее обнять собой всю полноту мироздания, оно являет нам два начала. Божественное – начало христианского Откровения, известную, данную, неподвижную истину.

Второе начало Богочеловечества – человеческое.

Это элемент вечного движения, вечного постижения и раскрытия, вечного совершенствования (или, наоборот, отпадения, затемнения, провала).

В каждую эпоху оно имеет максимальную точку достигнутого. Только это высшее напряжение человеческого творчества данной эпохи может почитаться полнотой человеческого элемента. И только в сочетании с такой завершенностью эпохи Божественное начало может дать истинную полноту Богочеловечества.

Поскольку к Божественному началу с точки зрения полноты истины не может быть двух различных отношений – надо или признавать его, или впасть в ложь непризнания, – постольку человеческое начало никогда и ни в чем твердой и точной печати своей принадлежности к истине не имеет. Оно всегда уязвимо, всегда открыто критике.

...

Наше время склонно объявить вчерашний день человеческого творчества ложью. И наибольшим нападкам подвергается самый метод человеческого творчества – утопизм.

В самом деле, за последние века человечество жило вспышками творческих зарядов различных утопий. Этими утопиями оно подталкивалось на путях истории. Им мы обязаны как реальными достижениями, так и падениями человечества.

А так как этот утопизм является одной из самых характерных черт в методе работы человечества, то на него и направлено все острие тех, кто отрицает свой вчерашний день.

Утопизм определяют как веру в невозможность Царства Божия на земле.

Попробуем дать ему более формальное определение.

Каждая утопия отвечает какой-нибудь назревшей истинной потребности в науке, в социальной жизни, в философии. И всегда заключенная в ней истина является в сильно гипертрофированном виде.

Этим определяется, что для каждого времени есть своя характерная утопия – или несколько своих характерных утопий.

Утопия является рабочей гипотезой человечества, облегчающей ему как объяснение накопленных фактов, так и направление его волевых устремлений.

И ни одна утопия – рабочая гипотеза – не была в свое время бесплодной.

Можно еще утверждать, что только максимально гипертрофированная и раздутая истина заставляет человечество напрягать свою волю. Это является как бы законом человеческого творчества. Человечество всегда предъявляет свои требования к истории с самым сильным запросом. Получив лишь то, что ему принадлежит в меру исторического и культурного роста, оно создает новую утопию, являющуюся новым запросом истории.

²⁹ *Впервые:* Путь. 1929. № 16 (май). С. 49–68. Здесь и далее примечания составителя.

Птолемей, утверждая свою систему мироздания, конечно, думал, что он утверждает полноту эмпирической истины. Нам же никак не приходится говорить о том, что его система была только ложью, а скорее мы склонны утверждать, что зерно истины, заключенное в ней, дало возможность накопиться целому ряду фактического материала, послужившего основой для создания Коперниковой системы, тоже, в свою очередь, преодоленной Кеплером³⁰. И Кеплерова система, заключая в себе зерно истины, не может быть не преодоленной.

Каждая последующая утопия или рабочая гипотеза относится к предыдущей, как система Кеплера к системе Коперника и как система Коперника к системе Птолемея.

Критическое отношение к данной утопии, а иногда и к самому утопическому методу творчества, возникает тогда, когда утопия в той или иной степени изжита.

Естественно, что буйный ход событий последнего времени разоблачил все элементы гипертрофии в человеческом творчестве. Многого достигнуто, многое отмечается. Все пересматривается критически.

Что это значит?

Это значит, что рост человечества стал выше созданных им утопий и человечество нуждается... в новой, адекватной его росту и его запросам утопии.

...

Таким образом, зная тот эмпирически недостижимый предел, к которому стремится все человеческое творчество – Богочеловечество, – и зная методы, по которым его творчество протекает, – рабочие гипотезы, утопии, – нам надо определить тот путь, которым шло человечество в предыдущие эры своего развития.

Историческая практика, конечно, ни в одной стадии своего развития не может дать нам полного приближения к сочетанию двух начал – Божественного и человеческого.

Лишь первые века христианства – период церковных Соборов – до некоторой степени оправдывают теорию. Человеческое начало в церкви, в Богочеловечестве, было дано в максимальном своем творческом завершении. Питавшая Византию греческая культура и философия целиком и неразрывно связана с этим первоначальным периодом истории церкви. Более напряженного и громкого слова человечество не создавало тогда.

И это слово сочеталось с благовестием Откровения, создавая совместно единство, приближающееся к воплощению Богочеловечества.

Быть может, период Афанасия Великого³¹ – период гармонического сочетания Божественного Откровения и человеческой мудрости – был воистину золотым веком в истории христианского человечества.

Характерно, что даже в этот золотой век можно уже найти подлинную человеческую утопию.

Творцом этой утопии можно считать Константина Великого³².

В божественном Откровении было ему предназначено победить крестом.

Человеческая его склонность к утопизму подменила крест мечом, осветила меч.

³⁰ Иоганн Кеплер (1571–1630), немецкий математик и астроном, развивавший гелиоцентрическую систему Николая Коперника (1473–1543) и открывший законы движения планет вокруг Солнца; выдвинул вместо коперниковской модели кругового движения планет модель движения по эллипсу и понятие планетной орбиты. Система Коперника, в свою очередь, пришла на смену геоцентрической модели позднеантичного астронома Клавдия Птолемея (после 83 – после 161).

³¹ Афанасий Великий (ок. 296–373), святитель, епископ Александрии, ранневизантийский богослов и церковный деятель. Участник I Никейского собора и непримиримый борец с арианством в тот период, когда арианство поддерживалось государством и борьба Афанасия казалась безнадежной.

³² Римский император Константин I Великий (ок. 274–337), святой равноапостольный, положил конец гонениям на христианство, сделав его сначала одной из признаваемых государством религий, а затем провозгласив государственной религией. По преданию, ему на небе явился Крест с надписью «Сим побеждай».

Теперь, через многие века надо сказать, что в этой рабочей гипотезе, определяющей направление человеческого творчества, был, конечно, элемент все той же гипертрофированной истины. Утверждалась положительная черта в общество- и государство-творении. Вводилось это творчество в систему человеческого благословенного творчества.

Этим самым наносился удар понятию звериной природы государства-общества, полагалась основа проникновению христианства в эту часть человеческого творчества.

После периода первых веков христианства в церкви начался процесс медленного заострения – постепенного перехода в статическое состояние человеческого динамического элемента.

Атрибуты Божественного начала – Откровением данная полнота – были постепенно перенесены на раз и навсегда зафиксированный момент творческого напряжения человечества.

В своем благоговении перед данной для известного момента полнотой Богочеловечества люди как бы заразили свой элемент, входящий в эту полноту, свойствами неподвижности Божественной истины.

Под этим знаком стоял весь средневековый период истории.

Если философия остановилась на Аристотеле, а Птолемея система была последней зафиксированной в церковном сознании, то дальше этого человечество не смело дерзать.

В этом была односторонность Средневековья, его отречение от человеческого начала.

Статизированное человеческое творчество становилось невесомым.

Идея Богочеловечества ущерблялась и поглощалась.

Наконец, в противовес этому болезненному процессу, длившемуся целые века, человечество стало постепенно выходить из такой умаленной церкви. Закостеневшая церковь как бы больше не покрывала своим куполом всего человечества, и постепенно почти все творческое почувствовало себя не под этим куполом, а под вольным небом – с иным порядком ответственности, с иным напряжением свободы, с иным направлением творческого устремления.

В самом деле, когда Копернику приходилось вопреки положениям церкви утверждать движение Земли вокруг Солнца, когда человек почувствовал, что перед ним, с одной стороны, авторитет церкви и необходимость отрицать факт, постигнутый и утвержденный его творческим напряжением, а с другой – костер инквизиции и факт, которого он отрицать не может, – тогда все устои Средневековья заколебались.

Эмпирическая церковь как бы предала идею Богочеловечества, вытолкнула человечество на широкую дорогу мира, управляемого не откровенными, а естественными законами.

Что должно было делать человечество?

Оно могло идти и шло иным путем.

Пути эти уводили от церкви. Перед человечеством открывалась эпоха великих достижений и открытий, эпоха расцвета всех человеческих духовных и творческих сил.

А тот человеческий элемент, который был зафиксирован в церкви, не мог равняться с новыми достижениями.

Но даже в этой своей части гуманизм не был *противобожен*, он был только *безбожен*. И это безбожие не было принципиально дано в гуманизме, оно явилось только реакцией на бесчеловечие предшествующего периода.

Многовековая творческая запрещенность вылилась бурным творчеством Возрождения. Весь динамизм человеческой природы воплотился в жизнь. И мир занялся устройством своих мирских дел.

По существу, этот процесс был, конечно, тоже процессом односторонним. Богочеловечество отрекалось от своей божественной природы, утверждало только человеческую и этим перегибало палку в другую сторону.

Но как Средние века в области приближения к Богу были напряженны и полноценны, так гуманизм – новая история – в полной мере раскрыл и обосновал ценность человеческой личности, определил ее право на свободу и напряг ее творческие возможности.

За эмпирической церковью осталось только своеобразное блюдение, хранение Божественной истины.

Таким образом человечество внутренне раскрепостилось, утвердив свое право на свободное творчество.

И тут, на этих чисто человеческих путях, лишенных Божественного начала церкви, в непрерывно создаваемых и сменяющих друг друга утопиях, начал проявляться известный суррогат религиозного начала.

Обратный процесс, таким образом, имел параллельно все элементы того процесса, который его породил.

Теперь можно утверждать, что внутренне огромный этап пройден. Человечество высекло творческие искры, заложенные в нем на данный период. Человечество в массе сыто творчеством и перерастает само себя.

Созданные утопии в той или иной степени сложили семена своих воплощенных истин в общую сокровищницу человечества, а в части своей гипертрофированной перестали пленять и возбуждать человечество.

И ныне мы стоим перед мучительными поисками новых путей.

Современный мир не может продолжать работать и творить старыми методами созидания крылатых утопий.

Для этого нужны какие-то новые предпосылки. Для этого нужен пересмотр самого фундамента творчества.

Весь многоценный урожай гуманизма собран и упакован в хранилищах человеческой культуры.

...

В истории русской культуры мы можем узнать все элементы, определившие собой западную культуру. Только способ их сочетания и раскрытия был иной.

Поскольку на Западе идеи имели длительные периоды роста и созревания и медленно завоевывали жизнь, постольку в истории русской культуры идеи являлись революционным путем, они привносились в готовом виде и почти насильственно прививались к русской культуре.

Русская культура всегда ломалась, кромсалась, а потом доходила до полного раздутия, до завершения каждой идеи.

Все доводилось до конца.

Для русской культуры характерно Крещение Руси в днепровских водах.

Революционно, молниеносно, почти без периода предварительного созревания было дано христианство Древней Руси. Было дано не постепенной подготовкой умов, не целым рядом подготовительных десятилетий, а как вся полнота – целиком.

Языческие боги не отступали медленно перед победоносным крестом, а Перун был низвержен во всем своем всемогуществе. Никакой «алтарь неведомому Богу»³³ не высился до этого около него. Удар Перуну был нанесен без предупреждения и прямо в лоб.

И на Руси загорелся не только свет, а истинный пожар христианства.

Через Киевскую Русь в Московскую, минуя теснины татарщины, было перенесено русской культурой наследие Византии.

³³ О жертвеннике с надписью «неведомому Богу» в Афинах см.: Деян. 17: 23.

И наследие это было взято не в какой-либо части, а все целиком.

Православие целиком определило русскую духовную культуру.

А мирские, человеческие домыслы Византии, великая Константинова утопия, заменившая крест мечом, определила сознание Московской Руси.

Москва – Третий Рим. Четвертому не бывать.

Вот она, одна из первых русских утопий, окрыленная и воспаляющая сознание московского человека.

И в ней была, конечно, доля истины. Она определила собой упорное, цепкое и страстное сколачивание великого государства. Она синтезировала в себе на долгие века все отдельные ответвления русской культуры, она вобрала и ассимилировала татарщину, противопоставила себя Востоку и Западу – одним словом, спеленала и вырастила русскую культуру.

Русская духовная и светская культура имела в тот период некий единый мистический лик. И если бы апокалипсис писался в то время, то ангелу Русской церкви вменились бы в заслугу и в вину все заслуги и вины синтезированной и объединенной православием русской культуры.

Итак, русская история в этом отношении шла несколько иным путем.

В том периоде, который мы можем назвать Русским средневековьем, не было черт, характерных для Запада. Человеческое начало не чувствовало себя в тесноте под церковным куполом. Эмпирическая православная церковь не противопоставляла Божественного начала, раз навсегда данного и неподвижного Откровения, текущему потоку человеческого творчества.

И если исторически можно говорить о том, что все реформы Петра определялись и подготавливались предшествующим периодом, то, говоря это, надо учитывать скорее не культуру в тесном смысле слова, а главным образом неравномерность роста внешней цивилизации России с цивилизацией Запада.

В области же культуры реформа Петра была революционна, внутренне не подготовлена, не связана органически со вчерашним русским днем.

Брили боярам бороды и вгоняли их в куцые европейские камзолы, если можно так сказать, без всякого внутреннего основания для этого. Хотя внешних оснований было совершенно достаточно.

Петр поверг предшествующую русскую культуру и повлек ее на гибель таким же революционным актом, каким влек в свое время Владимир Перуна в днепровские воды.

Революционно, молниеносно и заразительно – по образцу западной культуры – человеческий элемент отсекался от церкви.

Человеческому творчеству были указаны свои внецерковные пути.

А дабы ничто не могло повернуть историю светской культуры вспять – под церковный купол, – церковь лишалась всех признаков внешней связанности с миром, она обезглавливалась, она даже в своей организации подчинялась государству, ей оставлялась только одна отрасль творчества – она могла заниматься лишь спасением душ, являясь достоянием интимнейшей жизни человека, не пронзая его всего своей величавой истиной.

Так революционно русская культура была расколота и расщеплена.

Мы видим, что весь восемнадцатый век русской культуры, кажущийся нам подражательным и неорганическим, совершенно не болеет религиозными вопросами. Строят университеты, открывают академию, пишут о пользе стекла, изучают Европу, подражают ей, имеют царей строго германского корня и солдатские мундиры прусского образца, и двор, пышностью превосходящий Версаль, и нравы дореволюционной Франции, и быстрый рост внешнего величия, и Ломоносова, и Фонвизина, – но нет и не слышно нигде ни одного слова, перебрасывающего мост между светской и церковной культурой.

А в это же время в лесах скрываются раскольники – ревнители старой веры, в это время в глухих монастырях спасаются подвижники, – духовное дело спасения душ и умножения стада

Христова идет где-то под спудом, в малой связи со Святейшим правительствующим синодом и всей внешней пышной декорацией церкви, необходимой для официальных молебнов о «Благочестивейшем, Самодержавнейшем», а еще более необходимой, чтобы, по примеру Византии, миропомазанием сообщать «Благочестивейшему, Самодержавнейшему» не только мощь мирского владыки, но и величие Господнего избрания.

Так совершился величайший и трагичнейший раскол единого лика русской культуры.

Кто может себе реально представить сейчас, что св. Серафим Саровский и Пушкин были современниками? Разве нам не кажется – да по существу это было так, – что они жили на различных планетах?

Святой Серафим Саровский, Оптина пустынь и многое-многое другое – нить духовной культуры не рвется, противостоит синодской политике, внутренне преодолевает ее. Под спудом светит церковный светильник. Весь этот свет его целиком принадлежит единой русской культуре, но пути к встрече между двумя ее руслами заказаны.

Человечество же, чисто человеческое творчество идет иным путем – путем безбожным.

От человеческого творчества церковь отгорожена всеми своими официальными и омертвевшими, или не бывшими никогда живыми (как Синод), оболочками.

Человечеству дано только создавать утопии или заражаться чужими утопиями; крылатую, гипертрофическую часть их воспринимать как некий суррогат религии.

Почти все истинно творческие мысли русской интеллигенции были такими суррогатами религии или же глухой и безнадежной жаждой этого религиозного начала.

Русская интеллигенция ухитрилась из самого трезвого, пресного и тупого учения, из самой бескрылой утопии – марксизма – создать повод для чисто религиозных переживаний и для религиозного мученичества.

Конечно, в истории девятнадцатого века колоссальное значение имеют и те создатели русской культуры, которые провидели какое-то неизбежное ее единство, которые, будучи подлинными гениями человеческой мысли, соединяли себя с церковной святостью.

Ведь по существу не только такие христиане, как Киреевский, Хомяков, Самарин, Достоевский, Соловьев и более поздние, но и позитивист Герцен в равной степени определяют собой русскую культуру.

И поскольку несинтезированный облик Герцена задыхался от этой невозможности синтетически обосновать и оправдать пути человеческие, постольку же, в равной мере, обретший для себя лично синтез Богочеловечества, Достоевский был фигурой подлинно трагичной, потому что индивидуальный синтез не мог покрыть пропасти раскола, а только вечно разрывал человека между двумя берегами.

От этого все, кто был лично синтетичен, кто постигал тайну воплощения Богочеловечества, оказались лишь отдаленными пророками новой эры и для своего времени звучали неполновесно. Их современники воспринимали их всегда ущербленно, прощая им за их гениальность или талант одни – пребывание на берегу духовной культуры, другие – причастность культуре светской.

Таким образом, может быть, не столь органично, как в Европе, не столь закономерно и постепенно, но по существу с большими болезненными осложнениями, с большими моральными тупиками было у нас в России распято Богочеловечество. Единый лик оказался расколот. Два мира жили рядом, не соприкасаясь.

...

Наконец, итог. Сегодняшний день. Большевизм...

У русского большевизма есть определенный и точный мистический лик.

Только угадав и изучив его, только поняв мистические предпосылки коммунистической власти в России, можно определенно говорить о том, куда она пытается вести русскую культуру и что может ей быть противопоставлено.

Итак, эта новая власть, имеющая свою определенную культурную программу, возникла в период, когда точно обозначились два тупика.

Тупик официальной церкви, эмпирически перерождающейся в оболочки, под спудом таящей не просвечивающую миру истину, дошедшей в своем унижении и ущербе до епископа Варнавы и Распутина³⁴.

А с другой стороны, человеческая активность, взвинченная утопизмом, жаждущая религиозного оправдания своим деяниям, имеющая лишь суррогат религий в гипертрофированной крылатости утопий, также была заведена в тупик.

Богочеловечество было безнадежно предано.

И можно только в свете сегодняшнего дня благословить русский девятнадцатый век за то, что он порознь не предал ни Божественного начала, ни человеческого.

Где-то на дне церковного ковчега блюлась неприкосновенная полнота Божественной истины. А на своих безбожных путях человечество обосновывалось и утверждало свою человеческую свободу, свободу творческой индивидуальности, свободу человеческого лица.

В свете сегодняшнего дня это утверждение звучит как благословение девятнадцатому веку.

Итак, «великий октябрь». Гибель старого мира.

Воистину гибель, поскольку задание октября может быть воплощено, а воплощение может быть окончательным.

Мистический лик большевизма характеризуется не тем, что он безбожен.

Безбожным по существу был весь гуманизм. Начиная с конца Средних веков, на Западе мы имеем безбожную светскую культуру, так удачно и плодотворно привитую России Петром.

Все человеческие утопии последнего времени, заражавшие собой Россию, почти все человеческое творчество было безбожно, было вне Бога.

Не это характеризует большевизм.

Основное в нем, что он *противобожен*.

Впервые не игнорируют Бога, а идут против Бога. Впервые противобожие проповедуется с пламенным пафосом.

Впервые «ничто» противопоставляет себя Богу.

Это противобожие – один из мистических китов коммунистической культуры.

Собственно, всем это известно. Необходимо только учесть, что все делают известную ошибку, говоря не о противобожии, а лишь о безбожии коммунизма.

Когда говорят о безбожии, то связывают коммунизм со всем гуманистическим периодом человеческой культуры, делают его как бы кульминационным пунктом гуманизма, доведенного до абсурда.

А в этом заключено уже самое значительное непонимание мистического лика коммунизма.

Борясь всеми средствами против Божественного начала, коммунизм с не меньшей пламенностью борется против человеческого начала.

³⁴ Григорий Распутин (1869–1916), крестьянин Тобольской губернии, приобретший репутацию «старца» и целителя и ставший близким к семье Николая II. Случай с епископом Варнавой (Накропиным) (1859–1924) стал одним из ярких примеров влияния, оказываемого Распутиным на Синод. В 1916 г. Варнава, тогда епископ Тобольский, возбудил пред Синодом ходатайство о прославлении бывшего митрополита Тобольского Иоанна (Максимовича) в лике святых. Не дождавшись ответа, поминал Иоанна как святого, что повлекло разбирательство дела в Синоде, где еп. Варнава, заручившись поддержкой Распутина, резко и непочтительно разговаривал с обер-прокурором А. Д. Самариным. Синод постановил уволить еп. Варнаву от управления епархией, однако Николай II по внушению Распутина отказался утвердить постановление Синода, в результате чего обер-прокурор А. Д. Самарин вынужден был подать в отставку.

Коммунизм – столько же отрицание церкви, сколько и отрицание гуманизма.

Все ценности, добытые гуманизмом, все утверждения человеческого творчества, вся завоеванная свобода личности, раскрепощаемый труд, свобода совести, общественное мнение, идея народоправства, – все решительно, что является достижением гуманистического периода, все в одинаковой степени попирается коммунизмом.

Свободная человеческая личность заменяется дисциплинированной машиной. Свобода совести заменена общеобязательной общественно-философской доктриной. Борьба за свободный труд запрещена, и фабрика стала казармой. Никакой вид творчества не может протекать свободно, если он не имеет на себе печати коммунистического творчества. Идея народоправства заменена принудительной диктатурой.

И штамп этот имеет символом своим полное отрицание свободного человеческого творчества.

Итак. Религия попирается. Божественное начало загнано в катакомбы. Наряду с этим и человеческое начало в той же мере и в той же степени должно идти в катакомбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.